

Арбатова Маша с Арбата

Если каждой старой московской улице дать социально значимую характеристику, то Арбат можно определить как любимое место богемы. Для думающей творческой молодежи 60-70-х он был единственной возможностью почувствовать себя свободными. Многие талантливые люди прошли его насквозь, направившись в конце в разные стороны. Маша Гаврилкина, проведя там свою юность, сделала название улицы псевдонимом. Сейчас Мария АРБАТОВА - лидер постсоветской драматургии, автор 14 пьес (идущих в основном в российской провинции, в Америке, Англии, Германии и Польше) и двух книг, кавалер "Золотой медали" Кембриджского библиографического центра за вклад в культуру XX века и президент Международного феминистского клуба "Гармония".

- Когда должны были выйти в журнале "Москва" мои первые стихи, я поняла, что никто не знает моей настоящей фамилии. Для всех я была просто Маша с Арбата. И я подписалась - Арбатова. Поскольку мои друзья были из читающей публики, то не прошло и нескольких дней, как я принимала поздравления.

- Вы коренная москвичка?

- Да, если не считать того, что родилась в городе Муроме и до года прожила там. Моего отца, военного, преподавателя философии, в 24 часа сослали в Муром. Всю свою хипповскую юность я провела на Арбате. Тогда он был театральной улицей и сильно отличался от других районов центра. Я помню старушек с авоськами, в истлевших каракулевых шубках, в бриллиантах и косметике, говорящих по-французски. Их прямые спины и безупречные манеры создавали театральность в первую очередь. Они нищенствовали, но собирались вместе с хиппи в дешевом диетическом кафетерии. Их присутствие было противо-

ядием против хамства, которое уже тогда начинало заполнять все и вся. Мы придумывали всевозможные действия и интермедии. Например, могли вырядиться под персонажей Булгакова и расхаживать по Арбату и Гоголевскому бульвару, пугая прохожих. Чем жестче режим, тем больше нуждается человек в карнавальной культуре. Моя неосуществленная мечта как театрального драматурга - написать батальную карнавальную мистерию на целый город.

- Ваша коммунальная квартира, которую называли "Салон Марии Арбатовой", была продолжением уличной жизни?

- Ну, салон - это громко сказано. Моя арбатская квартира представляла собой две ободранные коммуналки с потолками в 4,5 метра. Стены были оформлены в духе расписного зала ЦДЛ. Каждый оставлял автограф из Сартра и ему подобных.... Но в квартире было еще 9 комнат, с жителями которых мы находились в состоянии затяжной гражданской войны. В целом же мой салон напоминал скорее сейшн, но поскольку это все-таки был Арбат, а квартиру, предназначавшуюся вроде бы для Шалапина, позже купил Санин и жил там с Ликой Мизиновой до отъезда в Париж, то я старалась блюсти некоторую салонность. Ходила в длинных платьях и строила из себя Анну Павловну Шерер.

- Вы начали с поэзии, но стали драматургом.

- Началось все не со стихов, а с философского факультета МГУ, на который я поступила по своему семейному сценарию. Что такое философия в период застоя, объяснять не надо, но бросить факультет просто так я не могла. Я должна была попросить совета, что я и сделала, вызвав для этого дух Марины Цветаевой. Он поговорил со мной и двумя моими подружками довольно доброжелательно и рассказал всю мою жизнь, ошибившись лишь в

имени первого мужа. Это предсказание было моим самым большим аргументом в акции бросания университета и поступления в Литинститут. Туда я собиралась на поэзию, отговорил меня от этого Гриша Остер. Его аргумент был сногшибательный: "Поступай на драматургию к Розову - отсидишь 5 лет и получишь диплом". На мое слабое сопротивление, мотивированное тем, что я не умею писать драмы, он достал с полки Шекспира и сказал: "Не умеешь, смотри. Слева - кто говорит, справа - что говорит". Я написала за ночь пьесу и поступила.

- Если верить Михаилу Рошину, который писал, что вы не

копируете, а сочиняете, получается, что герои ваши не из жизни?

- Нет, я как раз автор, работающий под документ. После пьесы "Уравнение с двумя неизвестными" все спрашивали: "Вы врач по образованию?" После пьесы "Викторина Васильева глазами посторонних" интересовались, откуда я все знаю про пение. Я очень дотошный человек, я не могу писать персонаж,

если не знаю, как он утром встает, чем он бреется, кто его мама, какую собаку он бы себе купил. Пусть мама и собака не войдут в пьесу, но я должна их видеть.

- Ваши герои в основном это женщины, охраняющие чувство собственного достоинства. Переключается ли это с вашими феминистскими убеждениями?

- Ну, о феминизме я говорить не хочу. Писателю накладно совершать социальные телодвижения. Его начинают третировать свои и не понимать все остальные. В моем кругу многие считают, что я давно ничего не пишу, зарабатывая деньги феминизмом. И бесполезно объяснять, что ни рубля, ни доллара я феминизмом не заработала. И даже задачи такой не ставила. Когда я начала давать бесчисленные интервью про феминизм, я, грубо говоря, закрывала собою дыру, потому что в тот момент у нас не было ни одного человека, который мог бы связно излагать свои мысли по этому поводу, не дискредитируя их наукообразием и собственной биографией.

- Как же все-таки вас воспринимает большинство: в качестве писательницы или социально активной женщины?

- Не знаю. Знаю только, что в сознании среднестатистического человека эти две вещи не уживаются вместе, а эпатаж, сопутствующий моим феминистским выступлениям, вызывает раздражение в тех инстанциях, которые непосредственно мною занимаются и платят деньги. Ведь наиболее преуспевающий персонаж нашего времени - это человек, на лице у которого написано: "Жизнь не удалась". Вообще у нас есть особая форма несчастья, переключаясь с рэкетом. Экономисты называют это коэффициентом при бедности. Я не осуждаю такой способ завоевания человечества, однако мне подобное амплуа не подходит. Видимо, у меня жизнь удалась! Тьфу, тьфу, тьфу...

Екатерина БЫЧКОВА